

ПАМЯТИ ДРУГА

С Сашей Рабиновичем мы дружим так давно, что уже невозможно вспомнить, когда мы познакомились. Написал и сразу увидел, что написано неверно: не «дружим», а «дружили». Теперь (хотя это очень трудно принять) о Саше нужно говорить в прошедшем времени. Узнал я об этом с большим опозданием, лишь в конце лета, от его сына Ильи, в совершенно будничной и неподходящей обстановке.

Я был в супер, когда раздался звонок: «Здравствуйте. Не могли ли вы уделить минутку?»

Толкая вперед тележку с продуктами, не очень любезно ответил: «Если только минутку. А в чем дело?»

«Это Илья Рабинович, сын...»

Я его перебил: «Сын Саши, тогда минутой не ограничимся. Как у Саши дела?» Спросив, я думал услышать, что Саша собирается приехать, или нужно что-то передать... Да мало ли что. Но то, что я услышал, мне даже в голову не могло прийти.

«Папы больше нет, он умер в декабре. Мы хотим сделать сборник воспоминаний о нем. Вы не могли бы написать что-нибудь...»

Я был в шоке. Саша Рабинович умер. Он был большой жизнелюб, здоровяк, а теперь его больше нет, в это невозможно, просто не хочется верить. Именно поэтому я откладывал и откладывал написание данного текста: написав воспоминания о Саше, я в своем сознании окончательно переведу его из числа, хотя географически и далеких, но очень близких мне по духу людей, в список ушедших друзей, тех с кем в этом мире ни встретиться, ни пообщаться уже не придется.

Хотя Александр Львович Рабинович уже много лет доктор наук, профессор, главный научный сотрудник, и т.д. и т.п., он, удивительным образом, не растеряв с годами оптимизм молодости, для меня и для многих его друзей по-прежнему оставался Сашей Рабиновичем.

Итак, с Сашей Рабиновичем мы дружили много-много лет. Когда мы встретились в первый раз на какой-то из конференций, я говорил (себе и друзьям), что познакомился с одним из самых крупных русских физиков. «Крупный» было связано с его немалым ростом, а то, что типичный «русский физик» – это «Рабинович» (в крайнем случае, «Шапиро»), считается общепризнанным, и никем не оспаривается.

Со временем эпитет «крупный» все меньше и меньше стал относиться к росту, и все больше и больше – к его научным достижениям: в своей области он стал «гуру», к его мнению прислушивались, его оценки были важны для коллег. Судите сами: например, у меня в офисе на книжной полке стоит толстенный фолиант «Методы компьютерного моделирования для исследования полимеров и биополимеров. Отв. ред. Иванов В.А., Рабинович А.Л., Хохлов А.Р.» с дарственной надписью от Саши. Он очень гордился этой книгой, и когда дарил, похвастался: «Эта штука

посильнее, чем "Фауст" Гете будет». Мы долго обсуждали книгу, точнее Саша рассказывал, что в ней самое-самое, отвечал на вопросы, которые я задавал, просматривая оглавление, или не до конца поняв его объяснение. В итоге у меня худо-бедно сложилось некое представление не только о возможностях компьютера в нашей науке (это я и раньше знал), а в основном о тех проблемах, которые необходимо решить, чтобы эти возможности реализовать. Пока Саша объяснил, что и как, все казалось хоть и непростым, но понятным. Но когда потом, уже в одиночку, я пробовал разобраться в некоторых деталях (по работе нужно

было), мне пришлось очень попотеть чтобы хоть что-то понять. И если прочитать уже написанное оказалось так трудно, то написать такое, действительно, «посильнее, чем "Фауст" Гете».

Но ни смотря на свои профессиональные успехи, Саша не превратился в солидного и занудного «мэтра», он оставался таким же как в молодости: жизнерадостным максималистом, энтузиастом, бесконечно любящим жизнь. При этом Саша принципиально решил остаться «русским физиком», утверждая, что хотя бы один «Рабинович» России просто необходим.

Ему было интересно все: и в науке, и в жизни он всегда выискивал новое и интересное. А узнав что-то новое, радостно и, надо признать,

чрезвычайно настойчиво Саша делился этим с окружающими. Но эта настойчивость никогда не раздражала, настолько искренне было его желание поделиться своими открытиями с друзьями, дать им что-то ценное, интересное.

Практически обо всем у Саши было определенное мнение, и он готов был не только сообщить его окружающим, но и отстаивать свою правоту, не взирая ни на какие авторитеты. Уникальность Саши состояла в том, что в таких дискуссиях он ухитрялся говорить так, что отрицательных эмоций не возникало, и никто на него не обижался (по крайней мере, я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то на Сашу обиделся). Все годы нашей дружбы, во время наших нечастых встреч я получал от него мощнейший позитивный заряд. Даже когда мы спорили, и даже когда в жарком споре мы не соглашались друг с другом, все равно в итоге сумма всех эмоций всегда была положительной. А спорили мы почти всегда. Саша ничего не принимал на веру. Любое утверждение требовало доказательств, и если таковых не находилось, или предложенные доказательства казались неубедительными, то опровержение, сопровождаемое вескими аргументами, следовало незамедлительно. Чаще всего, в итоге мы приходили к какому-то согласию, чем оба были весьма довольны.

Чаще всего мы встречались на конференциях в России, на которые я часто ездил, живя в Москве, и продолжаю ездить сейчас из Израиля. Наряду с официальной частью (доклады, дискуссии, и прочее), на таких конференциях всегда происходят вечеринки посиделки, на которых собирается «свой круг», и без всяких церемоний говорят обо всем: о науке, о жизни, о политике, и еще о чем-нибудь, что даже трудно себе представить. Естественно, на таких посиделках в чашки разливают не только чай. Кто-то выпивал чуть-чуть, кто-то побольше, а Саша не пил вообще. И на все уговоры тех, кто был не в курсе, или хотел еще раз попробовать уговорить его пообщаться с Бахусом, Саша отвечал очень просто: «Почему вы уговариваете меня выпить? Я ведь не уговариваю вас не пить!» И это сразу, без всяких обид, закрывало тему. Во всем остальном он был самым активным участником: он вспоминал различные истории, мог сходу ответить на какой-нибудь каверзный вопрос по науке, тут же задать встречный вопрос, и тут же дать на него неожиданный ответ.

Что касается официальных мероприятий конференции (доклады, дискуссии, и прочее), то здесь Саша был в своей стихии: ознакомившись с программой докладов, он быстро выделял самое интересное, внимательно слушал выбранные доклады, и, если доклад вызывал интерес, активно участвовал в его обсуждении, задавая иногда неожиданные, но всегда важные вопросы. Очень редко кого-либо ругал.

Хочется сказать, совсем как Бор, которых после плохого доклада практически никогда не критиковал докладчика, а просто вместо обсуждения говорил «это очень интересно» и закрывал заседание. Но для Сашиной категоричности такой вариант не подходил. Он тоже не вступал в дискуссию, но его приговор был достаточно жестким: ничего не пытаясь доказать, он просто говорил, что это ему не интересно и не стоит тратить на это время.

Один раз я побывал у Саши в Петрозаводске. Он проводил там конференцию и позвал поучаствовать. Я, естественно, приехал. Всю конференцию, каждый день с утра до вечера он крутился как белка в колесе, улаживая постоянно возникающие накладки и проблемы, хотя внешне казалось, что конференция проходила без сучка и задоринки. Почему я это знаю? Да потому, что просто хоть немного пообщаться нам удавалось только поздно вечером, практически ночью. В качестве культурной программы Саша устроил экскурсию в Кижы. Когда мы плыли на пароходике, я его сфотографировал, когда он пытался рассмотреть что-то вдалеке, а может быть просто задумался.

Перед тем как писать этот текст (для меня это был ритуал прощания с Сашей), я просмотрел его фотографии. Наткнулся, на эту. Тогда я стоял рядом с Сашей, а он смотрел куда-то в даль. А сейчас мне кажется, что наоборот, он смотрит на нас из своей дали, куда он, к нашему сожалению, ушел и больше не вернется...